

Концептуальные основания теории государственности в новоевропейской философии

Воробьева С.В.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», Минск

Актуальность теории государственности, разработанной в новоевропейской философии, обусловлена ее концептуальными основаниями.

Цель статьи – выявить данные основания и раскрыть их семантические и прагматические аспекты.

Материал и методы. Материалом выступили работы Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо. В качестве научных методов использовались историко-логическая реконструкция и системно-генетический анализ.

Результаты и их обсуждение. Концептуальные основания теории государственности выявлены по линии Гоббс – Локк – Руссо. Раскрыты их семантические и прагматические аспекты, вытекающие из антропологической действительности государственности. Определен состав понятийно-категориального аппарата, установлены сходства и различия в социальной семантике и прагматике государственности. Намечены пути приложения методологической эвристики в современных исследованиях государственности.

Заключение. Семантические аспекты концептуальных оснований государственности раскрываются в системе онтологических допущений относительно естественных и гражданских состояний и прав. Прагматические аспекты – исходя из контекстуальной зависимости разработанного понятийно-категориального инструментария, применимого в современной аналитике государственности.

Ключевые слова: теория государственности, Гоббс, Локк, Руссо, естественное состояние и право, гражданское состояние, гражданские права, общественный договор, антропологическая действительность.

(Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 90–94)

Conceptual Foundations of the Theory of Statehood in Modern European Philosophy

Vorobyova S.V.

Education Establishment “Belarusian State University”, Minsk

The relevance of the theory of statehood, developed in modern European philosophy, is due to its conceptual foundations.

The purpose of the article is to identify these grounds and reveal their semantic and pragmatic aspects.

Material and methods. The material was the work of T. Hobbes, J. Locke and Jean-Jacques Rousseau. Historical and logical reconstruction and systemic genetic analysis were used as scientific methods.

Findings and their discussion. The conceptual foundations of the theory of statehood are revealed along the Hobbes – Locke – Rousseau line. Their semantic and pragmatic aspects were revealed which arise from the anthropological reality of statehood. The composition of the concept and category apparatus has been determined, the similarities and differences in the social semantics and pragmatics of statehood have been established. The ways of applying methodological heuristics in modern research of statehood are outlined.

Conclusion. The semantic aspects of the conceptual foundations of statehood are revealed in the system of ontological assumptions regarding natural and civil states and rights. The pragmatic aspects are revealed based on the contextual dependence of the developed concept and category toolkit, applicable in modern analytics of statehood.

Key words: theory of statehood, Hobbes, Locke, Russo, natural state and law, civil status, civil rights, social contract, anthropological reality.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 34. – P. 90–94)

Актуальность теории государственности, разработанной в новоевропейской философии [1–4], обусловлена значимостью ее методологической эвристики. Она связана именно с концептуальными основаниями данной теории, которые выступают неотъемлемыми факторами построения динамиче-

ских моделей понимания и объяснения в современных социально-гуманитарных и политико-правовых исследованиях [5–11].

Цель статьи заключается в выявлении концептуальных оснований указанной теории и раскрытии их семантических и прагматических аспектов.

Материал и методы. Материалом выступили работы «Левиафан» Т. Гоббса (1651) [1], «Два трактата о правлении» Дж. Локка (1689) [2], «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» и «Об общественном договоре, или Принципы политического права» Ж.-Ж. Руссо (1755, 1762) [3; 4]. В качестве научных методов были использованы историко-логическая реконструкция, позволяющая установить и раскрыть исходные смыслы государственности и их прагматическое значение, и системно-генетический анализ, обеспечивающий преемственность идей в рамках относительно целостного становления концептуальных оснований теории государственности.

Результаты и их обсуждение. Теорию государственности, разработанную в новоевропейской философии [1–4], отличает ее номиналистическая методологическая платформа. Она имеет свои концептуальные рамки, определяющие точки входа в смысловое поле проблемы государственности, и концептуальный инструментарий, ориентирующий в организации научных исследований и построении необходимой аргументации. К таким концептуальным основаниям следует отнести идеи естественного состояния, права и закона, естественной и гражданской свободы, общественного договора, подчинения, принуждения, ассоциации, раскрывающих антропологическую действительность, на основе которых стало возможным теоретическое осмысление государственности в контексте договорной доктрины происхождения государства.

Т. Гоббс определяет естественное состояние как «состояние войны всех против всех». Люди пребывают в нем, пока «живут без общей силы, которая держит их всех в страхе» [1, с. 48]. Такой силой должно стать государство, которое в условиях «естества войны» возможно только на общественном договоре подчинения. Т. Гоббс, не различая подчинение и ассоциацию (взаимное согласие), связывает единственно возможный способ объединиться с подчинением третьей стороне. Подчинение «воле и суждению носителя общего лица» является чем-то большим, «нежели согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим» [1, с. 132–133].

Принципы договорной доктрины Т. Гоббс выводит из определений естественного права и закона. Естественное право – это «свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения собственной природы» и свобода «делать все то, что, по его суждению, является наиболее подходящим для этого». Естественный закон – «предписание, или найденное разумом общее правило», запрещающее делать то, что пагубно для человеческой жизни и пренебрегать тем, что считается наилучшим средством для ее сохранения [1, с. 49]. Проводя различие между законом и правом, он указывает на «несовместимость в отношении одной и той же вещи» обязательств и свободы [1, с. 50]. Это означает, что реализм закона и обязательств Т. Гоббс дополнил номинализмом естественного права и свободы, коррелятом которого выступает утилитарная рациональность, сочетающая

разумность и заинтересованность. Способность к такой рациональности становится ключевой предпосылкой гражданского общества, но только в случае, если расчетливость сопровождается определением лучшего для общего блага наибольшего числа индивидов.

«Война всех против всех» и «Левиафан» – эти выражения стали «личными знаками Гоббса» и нарицательными именами [7, с. 79]. Наричательные аспекты их содержания составляют концепт государства-суверена с подданными. «Государство есть единое лицо», носителем которого выступает суверен. «Путем взаимного договора между собой огромное множество людей» приняло на себя ответственность за действия суверена. Такое государство является политическим, так как оно строится на «добровольном соглашении людей подчиниться человеку или собранию людей», чтобы они защитили их «против всех других» [1, с. 68].

Статус подданного раскрывается Т. Гоббсом посредством неизбежных в таких двойственных ситуациях антиномий. В одном ракурсе индивид должен подчиниться всем требованиям и законам со стороны государства, следуя разуму, который направляет к мирному существованию, в другом, – не исключается его автономия, так как разум действует в своей личной сфере, следуя собственному ходу мыслей. Но свойство абсолютной независимости Т. Гоббс приписывает лишь власти, но не разуму. Когда люди начинают дискутировать по поводу власти не по закону, а по их собственному сознанию, государство размывается. Становясь «судьями добра и зла, люди возвращаются к естественному состоянию» [1, с. 131].

Дж. Локку, в отличие от Т. Гоббса как человека времени политического хаоса, легче принять морально-гуманистические аспекты действительности и включить их в свое прагматическое аргументирование государственности. Поэтому он делает подчинение взаимным, раскрывая его социальный смысл как взаимное согласие. Неизбежность антиномии такого согласия подтверждается двумя формами естественного состояния, составляющими источник политической власти. Первое состояние – «полная свобода» людей «в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли». Второе – «природное равенство людей» и «состояние равенства, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными», т.е. «никто не имеет больше другого» [2, с. 262]. Из антиномии вытекает необходимость организованного элемента принуждения к уравниванию состояний, т.е. к соблюдению естественных прав свободы и равенства людей путем заключения общественного договора. При этом происходит не отчуждение естественных прав, а их простой залог.

Общественный договор как фактор государственности Дж. Локк обосновывает в контексте идеи перехода от естественной свободы, не связанной ничем, «кроме закона природы», к «свободе человека в обществе» [2, с. 274], производной от гражданского правления, состояния гражданства и гражданских законов

[2, с. 268, 271, 293]. Именно такое договорное объединение в общество с целью «составить один народ, одно политическое тело» переносит людей «из естественного состояния в государство» [2, с. 311]. Суть «первоначального договора» состоит в согласии каждого человека образовать вместе с другими «единый политический организм, подвластный одному правительству», и принять «на себя обязательство подчиняться решению большинства и считать его окончательным» [2, с. 317], ограничивая свою естественную свободу. В противоречащих ситуациях, если человек не связывает себя никакими иными узами, кроме уз естественного состояния, или связывает себя с постановлениями общества только тогда, когда ему это выгодно, – он остается в естественном состоянии, следовательно, может согласиться на любые подходящие для него действия [2, с. 317].

Свобода человека «в условиях существования системы правления» становится жизнью «в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе» [2, с. 273], подчинением законодательной власти, «которая установлена по согласию в государстве». Границами свободы становятся законы, установленные «законодательным органом в соответствии с оказанным ему доверием». Отсюда «свобода следовать своему собственному желанию» распространяется на все случаи, «когда этого не запрещает закон», и, напротив, несвободным становится человек, зависимый «от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека» [2, с. 274].

Политическую власть Дж. Локк определяет как «право создавать законы», отличающиеся мерой строгости наказания, и «применять силу сообщества для исполнения этих законов и для защиты государства от нападения извне <...> ради общественного блага» [2, с. 262]. Справедливость «действующих законов государств» он соотносит с законом природы, «посредством которого они должны регулироваться и истолковываться» [2, с. 267]. Такое предостерегающее высказывание в теме государственности Дж. Локк выводит из своих изысканий в области «человеческого разума», констатируя, что легче понять разум, чем «причуды и запутанные измышления людей», которые преследуют «противоречивые и скрытые интересы, облеченные в слова» [2, с. 267]. Поэтому он умозаключает: следование закону природы, следовательно, божьей воле, выступает вечным руководством для всех людей, включая законодателей [2, с. 340].

В прагматической аргументации Ж.-Ж. Руссо естественное состояние соотносится с неравенством людей, влияющим на границы естественной свободы [3, с. 70], и с гражданским состоянием, или моральной свободой, делающей человека «действительным хозяином самому себе» посредством избегания рабства «поступать лишь под воздействием своего желания» [4, с. 212–213]. Ценность гражданского состояния обретается при условии замены инстинкта в человеческом поведении на чувство справедливости, придающее действиям «нравственный характер» и вынуждающее «советоваться с разумом, прежде чем следовать своим склонностям» [4, с. 212].

Ж.-Ж. Руссо выражает беспокойство по поводу заблуждений, которые свойственны этому новому, т.е. гражданскому, состоянию. Вместо принятия его преимуществ, заблуждения низводят человека «до состояния еще более низкого чем то, из которого он вышел» [4, с. 212]. Пребывание в нем означает неумение совладать с собой, т.е. избегание свободы, которое напрямую связано у Ж.-Ж. Руссо с решением антиномии, возникающей между двумя стремлениями, выраженными им предикатами «быть сильным» и «быть зависимым». При естественном состоянии свойства, описываемые этими предикатами, исключают друг друга, так как, согласно его аргументу, «человек слаб, когда он зависим, но он освобождается от зависимости прежде еще, чем становится сильным». Ж.-Ж. Руссо указывает на упущение Т. Гоббса, не разглядевшего причину, «которая мешает дикарям использовать свой ум, как утверждают наши юристы», но «в то же время мешает им злоупотреблять своими способностями, как утверждает он сам» [3, с. 95]. Это означает, что в одном ракурсе слабость человека обусловлена неспособностью к использованию собственного ума, выводимого из его зависимости от собственных чувств или внешних обстоятельств, в другом – чтобы развить такую способность необходимо освободиться от подобной зависимости.

На основе такой социальной семантики Ж.-Ж. Руссо осуществляет легитимацию государственности, вводя прагматические доводы, связанные с общественным соглашением, «актом ассоциации» и «принуждением к свободе», и заменяя Левиафана Т. Гоббса другими метафорами: биологическими – «политический организм», «политическое тело», и механистическими – «политическая машина». Общественное соглашение становится неизбежным, «когда силы, препятствующие <...> оставаться в естественном состоянии, превосходят в своем противодействии силы, которые каждый индивидуум может пустить в ход, чтобы удержаться в этом состоянии» [4, с. 207]. Оно сводится к тому, что каждый «ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы», в результате чего «вместо отдельных лиц, вступающих в договорные отношения, этот акт ассоциации создает условное коллективное Целое». Такой политический организм именуется «Государством, когда он пассивен, Сувереном, когда он активен, Державою – при его сопоставлении с подобными ему» организмами [4, с. 208–209].

Поиск формы ассоциации является основной задачей общественного договора. Форма должна быть такой, чтобы каждый, соединяясь со всеми, подчинялся бы только самому себе и оставался бы «столь же свободным, как и прежде» Но вследствие того, люди цивилизовались, они не умеют повиноваться самим себе, становясь тиранами самих себя и природы [4, с. 207]. Поэтому общественное соглашение, чтобы не стать пустой формальностью, «молчаливо включает в себя обязательство», способное «дать силу другим обязательствам». Оно заключается в том, что «если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом, а это означает не

что иное, как то, что его силою принудят быть свободным». Подобное «принуждение к свободе» вытекает из условия, «которое подчиняя каждого гражданина отечеству», таким способом «ограждает его от всякой личной зависимости». Именно в «принуждении к свободе», по Ж.-Ж. Руссо, заключается «секрет и двигательная сила политической машины» [4, с. 211].

Становление концептуальных оснований теории государственности именно по линии Гоббс – Локк – Руссо задают дополнительные векторы ее разработки с учетом современных реалий. Данные основания воспроизводят логику понимания общественного порядка и факторы исторической динамики социально-политической реальности XVII–XVIII вв. Диахроническая историко-генетическая презентация таких факторов важна ретроспекцией. Поэтому в такой презентации должны быть различимы историко-логические и системно-генетические подходы. Историко-логическая реконструкция концептуальных оснований теории государственности, разработанной Т. Гоббсом, Дж. Локком и Ж.-Ж. Руссо, показывает, что их усилиями исследуемый объект стал мыслимым с позиции построения характеристик антропологической действительности. В государственности как мыслимом объекте были разграничены социальная семантика, направленная на построение характеристик посредством набора признаков, присущих теоретическим конструктам, и социальная прагматика как сфера коррелятов в самой антропологической действительности. Системно-генетическая реконструкция демонстрирует абсолютность и относительность методологических границ в исследовании государственности в новоевропейской философии.

Концептуально линия Гоббс – Локк раскрывает двойственный контекст соотношения естественного состояния и государственного управления. Т. Гоббс выводит необходимость власти из негативных аспектов естественного состояния, Дж. Локк исходит из приоритета естественного состояния по отношению к монархической власти. Разработка Т. Гоббсом концептуальных оснований теории государственности стала по существу рождением политической философии, или философии власти. Развивая идею естественного состояния как коррелята естественного закона, он преодолел доктрину божественного происхождения власти концепцией надлежащей формы правления. При такой форме правления становится возможным устранение пороков, связанных с естественным состоянием, совершенство которого Т. Гоббс связывает с гражданским обществом и его приоритетом по отношению к индивиду. По этой причине первичны обязанности, а не права. Их соблюдение служит, в частности, основой достоинства – «общественной ценности человека», или «цены, которая дается ему государством» [1, с. 33].

Дж. Локк, как и Т. Гоббс, убежден, что в естественном состоянии индивид действует так, как считает нужным. Но если Т. Гоббс отождествляет естественное и дикарское состояния, то Дж. Локк, не выступая его критиком, фокусирует внимание на другой точке входа в проблему государственности. Он исходит из необходимости сохранения мира. Не замечая «естество

войны», Дж. Локк отождествляет естественное состояние с естественным правом. Находясь в естественном состоянии, предшествующем всем обязанностям, человек способен управлять собой и своим имуществом, что предустановлено природной гармонией как «совершенной нравственностью». Она присуща естественной конституции человека, вследствие чего нет надобности в разграничении естественного и гражданского состояния. Нужно лишь познать это социальное совершенство действенным образом, так как именно действия являются лучшими истолкователями мыслей.

С необходимостью таких истолкований Дж. Локк связывает исправления неудобств естественного состояния, которые становятся возможными без подчинения вышестоящему лицу, но их условием выступает знание законов гражданского общества, что невозможно без культивирования разума. Оспаривая идею Т. Гоббса о неделимости власти в этом аспекте, Дж. Локк превосходит его утилитаризм и расчетливость в характеристиках общественного договора и добавляет в свою аргументацию гуманистические соображения, связанные с решением моральных вопросов [7]. Такой подход Дж. Локка интересен в качестве «методологического потенциала системного моделирования аргументации в исследовании духовного мира человека», позволяя, в частности, дифференцировать моральные и политические доводы на основе их психолого-антропологических предпосылок [11, с. 202–203], что становится особенно очевидным у Ж.-Ж. Руссо.

Линия Локк – Руссо раскрывает двойственный контекст интерпретации естественного и гражданского состояния. В отличие от Дж. Локка Ж.-Ж. Руссо знаменует начало кризиса естественного права. Строго разграничивая естественное и гражданское состояние, он обосновывает необходимость перехода от естественного права к праву позитивному, которое возникает с появлением государства. Аргументируя неизбежность государственности, Ж.-Ж. Руссо конструирует историческое и каузальное объяснение гражданского общества. Основу первого объяснения, представленного в работе «О происхождении неравенства», составило обоснование деградации естественного состояния [3]. Основу второго, изложенного в «Общественном договоре» [4], – обоснование идеи позитивного права, заключающегося в том, что законы, в соответствии с которыми возникает и существует общество, могут быть разработаны только законодателем, но не могут стать результатом совместной деятельности всех людей. Они могут лишь принять законы, проявив общую волю, и не ставить себя выше закона [3, с. 54], так как «там, где прекращается власть законов и сила защитников их, там ни для кого не может быть ни безопасности, ни свободы» [3, с. 59].

Ж.-Ж. Руссо также как и Дж. Локк связывает «преимущества и неудобства всякого Правления» с «правами естественного состояния» [3, с. 135], но более последовательно и аргументировано проводит эту идею в контексте государственности, связывая ее с позитивным правом. Он утверждает, что «неравенство личностей, вводимое только одним позитивным правом»,

всегда будет вступать в противоречие с естественным правом, если «этот вид неравенства не соединяется в таком же отношении с неравенством физическим». Ж.-Ж. Руссо приводит иллюстрации явных противоречий естественному закону, апеллируя к антропологической действительности, когда, например, дитя повелевает старцем, глупец – мудрым человеком и когда горстка людей утопает в излишествах, а «голодная масса лишена необходимого» [3, с. 139].

Зафиксированный Ж.-Ж. Руссо разрыв между естественной человеческой сущностью и цивилизованными проявлениями стал отличительной чертой идентификационных механизмов и цивилизационного развития в современном глобальном мире [5; 9]. В частности, прослеживая историю «медленного общего развития» от состояния естественного к состоянию гражданскому, можно, согласно Ж.-Ж. Руссо, увидеть «решение бесконечного множества проблем моральных и политических, которые не могут решить наши философы» [3, с. 137]. Они не способны, например, совместить две мысли, каким образом с одной стороны в человеке постепенно исчезает изначальное, данное природой, с другой – общество становится лишь «скоплением искусственных людей и притворных страстей, которые суть продукт этих новых отношений и не имеют никакого действительного основания в природе». Сравнивая дикаря и цивилизованного человека, Ж.-Ж. Руссо подчеркивает их радикальное отличие, заключающееся в том, что «высшее счастье одного повергло бы другого в отчаянье». Если дикарь «жаждет лишь покоя и свободы», «хочет лишь жить и оставаться праздным», то гражданин как цивилизованный человек всегда деятелен, работает в поте лица, «терзает самого себя, стремясь найти занятия, еще более многотрудные» [3, с. 138].

Поучительный характер своей «предположительной истории правлений», подразумевающей раскрытие «истинных оснований политического организма», Ж.-Ж. Руссо аргументирует сослагательными аргументами, предполагающими, что бы стало, если бы человек был предоставлен сам себе, остался без исправления человеческих установлений, без предупреждения беспорядков и предотвращения «довершения бедствий» [3, с. 69–70]. Но этого не случилось вследствие движения политического организма, начинающегося с общественного договора, согласно которому «все граждане равны», значит, «все могут предписывать то, что все должны делать, но никто не имеет права требовать, чтобы другой сделал то, чего он не делает сам» [3, с. 283]. Прочувствованные Ж.-Ж. Руссо «подспудные движения истории» и ее вызовы приблизили его к раскрытию условий легитимации власти, вряд ли требующие исправления [10, с. 194]. Поэтому раскрытые концептуальные основания могут послужить дополнением методологических основ изучения современной белорусской государственности [6] и нормативно-ценностных оснований государственности в целом в условиях кризиса и глобальной нестабильности [8].

Заключение. Подводя итоги исследования, необходимо констатировать, что, во-первых, искомые концептуальные основания сопряжены с установлением

функциональных рамок смысловых значений, предопределяющих теорию государственности, разработанную Т. Гоббсом, Дж. Локком и Ж.-Ж. Руссо. Данные семантические рамки представляют собой относительно устойчивую систему обобщений, связанную с онтологическими допущениями относительно естественных и гражданских состояний и прав, в пределах которых выстраивается договорная доктрина государственности в новоевропейской философии. Во-вторых, концептуальные основания включают прагматические значения понятийно-категориального инструментария, обусловленные ситуацией или контекстом, вследствие чего становятся объяснимыми различия в подходах новоевропейских философов. Эти различия касаются изменений во взглядах на роль государства и вытекают из исторических контекстов политического хаоса Т. Гоббса, Реставрации Дж. Локка и просветительского пафоса Ж.-Ж. Руссо, следовательно, исходя из трансформаций антропологической действительности, фиксируют разные точки входа в проблему государственности.

Литература

1. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства и церковного и гражданского / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
2. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1985. – Т. 3. – С. 137–405.
3. Руссо, Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми / Ж.-Ж. Руссо // Об общественном договоре. Трактаты: пер. с фр. – М.: КАНОН-пресс, «Кучково поле», 1998. – С. 51–150.
4. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права / Ж.-Ж. Руссо // Об общественном договоре. Трактаты: пер. с фр. – М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – С. 195–322.
5. Воробьева, С.В. Кросс-культурные основания тенденций цивилизационного развития / С.В. Воробьева, А.А. Легчилин // Журн. Белорус. гос. ун-та. – Философия. Психология. – 2018. – № 2. – С. 17–22.
6. Гигин, В.Ф. Методологические основы изучения современной белорусской государственности / В.Ф. Гигин // Образование в современном мире: горизонты и перспективы: сб. науч. ст. – Изд-во «ЮрСаПринт», 2018. – С. 180–188.
7. Длугач, Т.Б. От Левиафана к гражданскому обществу / Т.Б. Длугач // Историко-философский ежегодник. – 2020. – Т. 35. – С. 77–100.
8. Колядко, И.Н. Ценностно-нормативные основания социокультурного развития современных обществ в условиях кризиса и глобальной нестабильности / И.Н. Колядко // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. ст. – Витебск, 2017. – Т. 24. – С. 104–111.
9. Легчилин, А. Кросс-культурні моделі цивілізаційної ідентичності / А. Легчилин, С. Воробйова // Українська полієтністика. – 2020. – Вип. 17. – Філософські дослідження. – С. 40–49. DOI 10.35433/2220-4555.17.2020. phyl-1
10. Мотрошилова, Н.В. Удивительная актуальность идей Руссо и «Le Contrat Social» / Н.В. Мотрошилова // Историко-философский ежегодник. – 2013. – № 2012. – С. 191–224.
11. Сарычева, А.В. Методологический потенциал системного моделирования аргументации в исследовании духовного мира человека / А.В. Сарычева // Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития: материалы V Междунар. науч. конф., Минск, 19–20 нояб. 2020 г.: в 3 т. – Минск: Четыре четверти, 2020. – Т. 1. – С. 202–205.

Поступила в редакцию 20.09.2021